

УДК 821.161.1"19"(092)Солженицын А.И.
ББК 83.3(2+411.2)6-8Солженицын А.И.,4
DOI 10.25281/0869-608X-2018-67-4-421-430

М.Е. БАБИЧЕВА

Писатели на одной волне (Л.Д. Ржевский о творчестве А.И. Солженицына)

Реферат. В статье рассмотрено отношение к личности и произведениям А.И. Солженицына представителей различных волн русской эмиграции. Проанализированы причины особого интереса к раннему периоду творчества писателя представителей второй волны. Показана специфика восприятия сочинений А.И. Солженицына критиком Л.Д. Ржевским (принадлежащим к этой части рассеяния). Впервые вводятся в научный оборот работы Л.Д. Ржевского, посвященные творчеству А.И. Солженицына. Филолог по образованию и сам писатель, Л.Д. Ржевский рассматривал главным образом особенности индивидуального стиля и литературного языка А.И. Солженицына. Большое внимание он уделял новаторству писателя в этой области, в частности его словотворчеству, отмечал ориентацию на народный язык и хорошее владение им. Критик наглядно показал также специфику повествовательной манеры А.И. Солженицына, по-разному проявляющуюся в его произведениях. Он отмечал, что рассказчик или «саморастворяется» в персонаже(ах), или выступает от своего имени. В первом случае возможна полифоническая структура или же монозвучание. Особенности художественной формы произведений А.И. Солженицына, однако, интересовали критика именно как способ выражения гражданской позиции автора. Важнейшей характерной чертой творчества писателя он считал неразрывное единство эстетического и этического начал. Подчеркивая значение в его творчестве категорий «совесть», «правда», «непримиримость», Л.Д. Ржевский утверждал, что А.И. Солженицын возродил гуманистический пафос русской классической литературы, подавляемый в СССР по идеологическим причинам. Опираясь на многочисленные конкретные примеры и цитаты, критик называл писателя наследником традиций, заложенных А.С. Пушкиным, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским. Высокохудожественное отражение жизненной правды в произведениях автора, живущего в СССР, Л.Д. Ржевский считал подвижничеством, оценивал как совершаемый творцом подвиг. В статье используются малоизвестные и труднодоступные отечественным читателям источники: материалы, опубликованные за рубежом в середине XX в. малыми тиражами и с тех пор не переиздававшиеся.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, Л.Д. Ржевский, эмиграция, творчество, литература, совесть, новаторство, слово, язык, стиль.

Для цитирования: *Бабичева М.Е.* Писатели на одной волне (Л.Д. Ржевский о творчестве А.И. Солженицына) // Библиоковедение. 2018. Т. 67, № 4. С. 421—430. DOI: 10.25281/0869-608X-2018-67-4-421-430.

Майя Евгеньевна Бабичева,
Российская государственная библиотека,
научно-исследовательский
отдел библиографии,
ведущий научный
сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5,
Москва, 119019, Россия
кандидат филологических
наук
E-mail: BabichevaME@rsl.ru

Неоднозначное восприятие творчества А.И. Солженицына различными группами русской эмиграции к настоящему моменту еще не достаточно изучено. В статье анализируются особенности оценки произведений этого автора в работах одного из самых ярких писателей и критиков второй волны русской эмиграции — Л.Д. Ржевского. Его книга о творчестве А.И. Солженицына, названная «Творец и подвиг», вышла в свет в 1972 г., т. е. до того, как стал эмигрантом и сам А.И. Солженицын. Готовя ее к изданию, автор не мог даже предположить такого развития событий. На ее страницах он искренне сетовал: «Увы! Непосредственных контактов, которые проясняли бы творческий облик художника-Солженицына, мы лишены» [1, с. 23].

Не по своей воле покинувший СССР А.И. Солженицын был очень по-разному встречен за рубежом соотечественниками, эмигрировавшими в разные исторические периоды. Сам он многократно принципиально отрицал факт своей принадлежности к третьей волне русской эмиграции, хотя объективно (хронологически) входил в состав именно этой части русского рассеяния. Серьезные мировоззренческие разногласия между А.И. Солженицыным, с одной стороны, и значительной частью представителей «третьей эмиграции», с другой, отмечались исследователями творчества писателя в России и за рубежом. А.Д. Глезер так же, как и А.И. Солженицын насильственно высланный из СССР (в 1975 г.) по идеологическим причинам, писал в издаваемом в Париже журнале «Стрелец»: «Уже чуть ли не пятнадцать лет существует наша, так называемая, третья волна эмиграции, и год от года растут в ней ряды ненавистников Солженицына, которые все больше и больше клеветуют на него» [2, с. 249]. Автор самой обстоятельной на данный момент биографии А.И. Солженицына отечественный исследователь Л.И. Сараскина, опираясь на цитаты из работ писателя, периодически возвращается к рассматриваемому вопросу [3]. Например, рассказывая о получении А.И. Солженицыным Нобелевской премии в декабре 1974 г., т. е. только через четыре года после ее присуждения, Л.И. Сараскина отмечает глубокое удовлетворение, которое испытывал писатель, думая о том, что добровольно не покинул родину даже ради этой церемонии. Такое видение ситуации подтверждается в монографии цитатой из «Очерков изгнания» А.И. Солженицына: «Угодило зернышко промеж двух жерновов». Писатель четко формулирует неприятие для себя возможности по своему желанию поки-

нуть родную страну и свое отношение к людям, совершающим этот шаг: «Чем бы я тогда отличался от Третьей эмиграции, погнавшейся в Америку и Европу за легкой жизнью, подальше от русских скорбей?» [3, с. 715].

Важно отметить, что многие отечественные литературоведы и критики, не отрицая сложности взаимоотношений А.И. Солженицына и эмигрантов третьей волны, акценты в этом вопросе расставляют несколько иначе. Этой теме посвящена, в частности, обстоятельная статья Е.Ю. Скарлыгиной [4]. Автор подчеркивает неоднородность третьей волны, рассказывает о выдающихся литературных деятелях этой части эмиграции, высоко ценивших творчество А.И. Солженицына, способствовавших продвижению к читателю его произведений. В их числе известные писатели В.П. Некрасов, В.Е. Максимов, выдающийся филолог Е.Г. Эткинд и многие другие. Е.А. Ермолин, в целом очень высоко оценивший книгу Л.И. Сараскиной об А.И. Солженицыне, также считает необходимым дифференцированно рассматривать отношение к творчеству этого писателя различных представителей третьей волны эмиграции [5].

В то же время А.И. Солженицын, еще находясь в СССР, привлек пристальное и благосклонное внимание представителей первой и второй волн русской эмиграции, а также их потомков. Обретшие и ощутившие на Западе личную безопасность, они с большим пиететом отнеслись к человеку, отважившемуся писать правду, оставаясь на родине (об изданиях А.И. Солженицына в России подробнее смотри в статье «Библиография А.И. Солженицына: история, проблемы, решения» [6]).

Потомственный эмигрант, исследователь русской культуры и издатель Н.А. Струве стал одним из основных публикаторов произведений А.И. Солженицына в Париже. Неоднократно он в своих интервью и публичных выступлениях высказывал глубочайшее уважение к личности А.И. Солженицына, высоко оценивал жизненную позицию писателя и его произведения. Н.А. Струве полностью принял и повторял образное ахматовское определение А.И. Солженицына — «святозарен», подчеркивал подлинный патриотизм этого автора, в одном из интервью 2010 г. даже заявил, что «готов был стоять на коленях перед этим человеком» [7].

Когда во второй половине 1960-х гг. в Западной Европе и США были опубликованы несколько произведений А.И. Солженицына («Матренин двор», «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом», «Раковый корпус» [8; 9], Р.Б. Гуль, эмигрант первой волны, воз-

главлявший в то время «Новый журнал», в пяти номерах подряд за 1968—1969 гг. (№ 93—97) помещал материалы, посвященные творчеству писателя. Это, прежде всего, первая публикация рассказа А.И. Солженицына «Правая кисть», сделанная без ведома автора, за что редакция принесла ему извинения [10]. В том же номере, с продолжением в следующем — подборка материалов «"Дело" Солженицына», включающая документы, характеризующие отношения писателя с руководством Союза писателей (СП) СССР; текст выступления А.В. Беленкова на обсуждении «Ракового корпуса» на заседании Бюро секции прозы СП СССР; обзор читательских откликов на «Один день Ивана Денисовича» и комментарий А.И. Солженицына к письмам читателей [11]. В двух номерах 1969 г. опубликованы серьезные филологические исследования особенностей языка А.И. Солженицына [12; 13]. И наконец, в последнем номере 1969 г. в рубрике «Сообщения и заметки» содержится информация об избрании А.И. Солженицына почетным членом Американской Академии и Национального института искусства и литературы [14].

В рассмотренном блоке материалов непосредственно анализу творчества А.И. Солженицына посвящены три работы: две статьи [12; 13] и текст выступления на обсуждении романа [11]. Работы А.В. Беленкова и Е. Шиляева при этом освещают каждая конкретный, относительно узкий вопрос. Статья же Л.Д. Ржевского затрагивает самую сущность творчества А.И. Солженицына. Это исследование для автора — не разовое участие в кампании, а часть большой работы по изучению яркого и сложного общественно-литературного явления.

Профессиональный лингвист, профессор, преподающий русский язык и литературу в университетах и лингвистических школах США, Л.Д. Ржевский всегда был строг и принципиален не только в оценках художественных произведений, но и в выборе материала для анализа. Поэтому большое значение имеет уже сам факт множественного обращения критика к творчеству одного и того же писателя.

Откликаясь на произведения А.И. Солженицына, Л.Д. Ржевский неизбежно выражал не только свое личное мнение, но, в опреде-

ленной степени, и позицию той части русского рассеяния, к которой он принадлежал. Выше уже говорилось, что в отличие от многих представителей третьей волны эмиграции, значительная часть второй волны высоко оценила творчество этого писателя. Послевоенная эмиграция была «родом из СССР». Составившие ее люди, в отличие от эмигрировавших после Октябрьской революции 1917 г., имели собственные воспоминания и представления о жизни в стране при советской власти. Однако, в отличие от эмигрантов третьей волны, они не обладали четким представлением о развитии событий на родине после Второй мировой войны. Кроме того, тема ГУЛАГа — важнейшая в литературе второй русской эмиграции. Поэтому для ее представителей было особенно интересно, что и как пишет живший в родной стране вплоть до 1974 г. автор о ситуации там в целом, о сталинских лагерях в частности. Объектом пристального внимания этой части русско-

Л.Д. Ржевский

го рассеяния становится язык писателя, прошедшего, как и большинство авторов послевоенного исхода, через сталинские лагеря (с их специфическим лексиконом), но, в отличие от послевоенных эмигрантов, продолжающего творить в родной языковой среде [15].

Л.Д. Ржевский во многих произведениях писал о специфической «отрицающей» ностальгии, свойственной представителям второй волны русской эмиграции и ее литературе. Это чувство, в котором тоска по родине соединена с паническим, почти животным страхом перед возвращением в советскую Россию. «Благодарю Тебя, Господи, что унес меня из этой несчастной страны!» — искренне восклицает в душевной беседе с соплеменником герой рассказа «Полдюжины талантов» (1958) [16, с. 147]. «Спасибо Тебе, Господи, что унес меня из той окаянной страны», — почти слово в слово вторит ему «задумчивый старикан» (он же — повествователь), подводящий итоги своей жизни в позднем, одноименном рассказе [16, с. 175]. Герой из «Малинового варенья» (1984) чистосердечно признается: «Представьте, иногда прямо-таки заболеваю ностальгией. Потом встречу оттуда приехавших и расскажут такое, что страшно станет» [16, с. 40]. «Старый» эмигрант в романе «Между двух звезд» утверждает: «Это

совершенно беспримерная в истории мира дрожь людей при мысли о возвращении на родину, тем и беспримерна, что она массовая. Все дрожат. Все подсоветские. И природа этой дрожи вполне своеобразна... Это — рецидив того страха, которого все наглотались там» [17, с. 404]. Человек, преодолевший страх и не покинувший родину, соответственно, представляется тем, кто этим страхом заражен, настоящим героем и подлинным патриотом.

Л.Д. Ржевский начал писать о творчестве А.И. Солженицына вскоре после появления первых его публикаций. Критик посвятил ему две статьи и монографию. Статьи сначала были опубликованы: первая — в сборнике научных работ [18], вторая — в эмигрантском журнале, при этом она содержит ссылку на первую статью с точным указанием выходных данных [13, с. 82]. Следует подчеркнуть, что обе эти работы, содержащие высокую оценку творчества А.И. Солженицына, опубликованы до присуждения писателю Нобелевской премии.

Интересно отметить, что именно в 1970 г., когда эта премия была присуждена А.И. Солженицыну, вышел в свет единственный прижизненный сборник литературно-критических статей Л.Д. Ржевского, составленный самим автором — «Прочтение творческого слова». В книгу вошло шесть статей, каждая посвящена творчеству одного русского писателя XX в., жившего в СССР. Из пяти выбранных Л.Д. Ржевским авторов — И.Э. Бабель, Б.Л. Пастернак, М.А. Булгаков, А.И. Солженицын, Б.А. Ахмадулина — только одному А.И. Солженицыну посвящено в сборнике две статьи. Более того, название одной из них («Творческое слово у Солженицына») созвучно названию всего сборника и одноименной теоретической статьи, его открывающей. Ключевым во всех этих заголовках становится словосочетание «творческое слово». Поскольку статья об А.И. Солженицыне уже публиковалась ранее, вектор влияния в данном случае очевиден.

Концентрация на особенностях творческого слова писателя у Л.Д. Ржевского-критика никоим образом не означает сужения объекта исследования до собственно языковой специфики. Напротив, ученый-лингвист раскрывал само понятие «язык» до уровня мировидения, подчеркивал его значение для выражения сущности явлений. Уже в 1951 г. в докладе на расширенном совещании в издательстве «Посев» Л.Д. Ржевский утверждал, что «язык — это сердце национальной культуры, раньше и ярче каких-либо других элементов выражающее ее душу» [19, с. 23]. В статье «Прочтение творческого слова» автор объясняет, что вынесенные

в заглавие слова «есть раскрытие “совершенного” и его природы в произведении художественной литературы. “Совершенного” — то есть той ощутимой данности высокого мастерства, которая только и делает литературное произведение художественным» [20, с. 14].

Анализируя в указанном ракурсе произведения А.И. Солженицына, Л.Д. Ржевский отмечает, что «свежесть и своеобразие творческого его слова и речевой манеры — не просто черты, но важнейшие структурные элементы его поэтики, формирующие его мастерство в целом» [13, с. 89]. Новаторство А.И. Солженицына, с точки зрения критика, в стремлении обогатить и даже «оживить» литературный язык за счет народного («народность речевой ориентации»). На множестве конкретных примеров показано, как использует писатель народное «речеупотребление», делая, таким образом, речевое сознание искренним и непосредственным. Доброжелательный, но строгий ценитель Л.Д. Ржевский останавливается и на неудачных, по его мнению, примерах словоупотребления у А.И. Солженицына. Но признает, что превалирует «огромное количество совершенных и поражающих удач» [13, с. 79].

Установку на устное слово, стремление к разговорной непосредственности и простоте сообщения критик считает одной из характерных особенностей стиля А.И. Солженицына. Он утверждает, что в основе композиционно-стилевой структуры повести «Один день Ивана Денисовича» лежит «движение от письменного-литературных стилей, принадлежащих автору, к устному, принадлежащим сказовому рассказчику» [20, с. 247]. Особое внимание уделяет Л.Д. Ржевский художественному приему «“саморастворения” автора в речевом облике колхозника-сказителя». Критик признает, что это замечательная речевая форма, позволяющая бесхитро и впечатляюще рассказать страшную правду. В то же время ему, эмигранту второй волны, представляется, что в данном случае имеет место осознанное стремление писателя, публикующегося в СССР, избежать рамок социалистического реализма. Изображаемое в повести явление осмысливается и оценивается благодаря этому приему как будто с позиции суженного кругозора, в более плоском житейском ракурсе: не автором-интеллигентом, а рядовым колхозником. «Это саморастворение есть несомненно замысел автора, генезис и природа творческого процесса, скованного в свободном своем течении “методом” социалистического реализма», — утверждает критик [20, с. 251].

Л.Д. Ржевский многократно подчеркивал искренность и творческую убедительность художественного слова в произведениях А.И. Солженицына. Отмечал особую, очень доходчивую и подкупающую разговорно-доверительную тональность, характеризующую стиливую структуру повествовательной речи писателя. В этом он видел не самодостаточное художественное достижение, а инструмент, необходимый автору для обращения непосредственно к душе и сердцу читателя. В книгах А.И. Солженицына «В круге первом» и «Раковый корпус» критик находит целый ряд картин и эпизодов, наглядно иллюстрирующих гуманистический пафос этих произведений, подтверждающих любовь автора к человеку и его веру в человека. Движимый этими чувствами, считает Л.Д. Ржевский, А.И. Солженицын, наследуя в этом творчество русских писателей-классиков, прежде всего Ф.М. Достоевского, поднимает в своих произведениях проблему вины. Критик пишет, что именно постановка проблемы вины в произведениях А.И. Солженицына «делает его творчество *совестью русской литературы*, определяя его собственное и исключительное среди современных русских писателей место» [13, с. 89].

Мировоззренческие и этические установки писателя, сформировавшие его жизненную позицию, Л.Д. Ржевский анализирует в книге «Творец и подвиг», включившей семь разноплановых очерков об А.И. Солженицыне. В различных ракурсах в них показано, как эти установки определяют основные особенности творчества писателя. Объективизируя свою оценку, автор передает ее одному из вымышленных персонажей, более того, персонажу, воплотившему специфический собирательный образ. Это не названный по имени молодой американский студент, пришедший на лекцию «Творчество Солженицына». Лектор (очевидно, сам Л.Д. Ржевский), случайно услышал, как юноша в разговоре с товарищами сказал, что правильнее было бы назвать лекцию «Подвиг Солженицына», так как писать правду, живя в СССР, по его мнению — настоящий героизм.

Разделяя эту точку зрения, Л.Д. Ржевский подчеркивает, что писать правду для А.И. Солженицына и этическая, и эстетическая потребность, он просто не может поступать иначе. Критик полагает, что «“совесть”, “правда”, “непримиримость” — это провозглашение у Солженицына одновременно и творческое, и подвижническое» [1, с. 5].

Истоки гуманистического пафоса произведений А.И. Солженицына автор очерков ищет

“Смолоду было много бито-граблено,
Под старость надо душу спасать!”

“Осколочек” — совесть. Как и “В круге первом”, Солженицын в “Раковом корпусе” поднимает все ту же проблему *вины*, — проблему, которая и делает его творчество *совестью русской литературы*, определяя его собственное и исключительное среди современных русских писателей место.

★

Снова возвращаясь к языку Солженицына, скажу, что свежесть и своеобразие творческого его слова и речевой манеры — не просто *черты*, но важнейшие структурные элементы его поэтики, формирующие его мастерство в целом. Передает ли он рассуждение, рисует ли пейзаж, вводит ли нас в душевный мир своего героя — всюду чувствуем мы силу и искренность этого художнического мастерства.

Одна-две цитаты из “Ракового корпуса”, без комментариев, могли бы, мне кажется, служить подтверждением сказанного.

Вот как изложены мысли (Шулубина) о социализме: — “Это только заявка, что не будет рубки голов, но ни слова — на чем же социализм этот будет строиться. И не на избытке товаров можно построить социализм, потому что если люди будут буйволами — расплодятся они и эти товары. И не тот социализм, который не устает повторять о ненависти — потому что не может строиться общественная жизнь на ненависти. А кто из года в год пламенел ненавистью, не может с какого-то дня сказать: шабаш! с сегодняшнего дня я отненавидел и теперь только люблю. Нет, ненавистником он и останется, найдет кого ненавидеть поближе...”

И еще цитата — из последних глав, где рассказывается, как Костоготов покидает киняку. Это одно из лучших мест по мастерству — яркости пейзажа, лиризму, который пронизывает и этот пейзаж, и передачу душевного состояния человека, дожившего до весны, до которой он дожить не надеялся: “Он (Костоготов. Л. Р.) выступил на крылечко и остановился. Он вздохнул — это был молодой воздух, еще ничем не всколыхнутый, не замутненный! Он взглянул — это был молодой зеленоющий мир! Он поднял голову выше — небо развертывалось

Фрагмент статьи Л.Д. Ржевского
из «Нового журнала» [13]

в русской классической литературе. Он прослеживает влияние на творчество писателя прежде всего А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Особо подчеркивается при этом, что в послеоктябрьский период существования отечественной словесности гуманистические традиции в ней были в значительной мере подавлены — планомерно, целенаправленно, в соответствии с официальными идеологическими установками. В этих условиях, считает Л.Д. Ржевский, следовать указанным традициям для писателя — настоящий подвиг. Тем более, что речь в данном случае идет уже не просто о продолжении традиций, но о полномасштабном их возрождении (это слово выделяется автором в тексте графически).

Развивая и конкретизируя мысль, критик пишет о «воскрешении» в произведениях А.И. Солженицына традиций пушкинского «Пророка», об «обновлении» в них ряда мотивов и концепций Л.Н. Толстого, о созвучности пафоса произведений творчеству Ф.М. Достоевского. Л.Д. Ржевский отмечает, что сама жизнь дает художнику особое «право творческой формы», которое «тем больше, чем эта форма совершеннее». Богатыми и многооб-

разными находит он «творческие формы непримиримости и обличения» в произведениях А.И. Солженицына [1, с. 19]. Создание этих форм в условиях, «в которых находятся на его родине свободная мысль и слово и в которых путь “против течения” — всегда подвижничество», — напоминает критик [1, с. 26].

Возрождение/воскрешение гуманитарных традиций в произведениях А.И. Солженицына в значительной степени происходит через «воскрешение слова». Так и назвал Л.Д. Ржевский второй очерк сборника. Дополняя и развивая положения предыдущих статей, здесь он пишет о новаторстве языка писателя. Исследователь приходит к выводу, что А.И. Солженицын является «создателем некоего “нового слога” современной прозы», в котором при помощи приема «речевого остранения» достигается «очень своеобразная и интересная полифония повествовательной речи» [1, с. 40, 49]. Называя основой творчества писателя «беспощадную, смелую и задушевную искренность» его произведений, Л.Д. Ржевский указывает, что достигается она, главным образом, уже упоминавшимся выше слиянием поэтических приемов и этических установок, которое и есть «решающий признак» стиля и мастерства А.И. Солженицына.

Пять следующих очерков сборника содержат анализ конкретных произведений. Начинает критик с малой эпической формы, объединив в одном исследовании три ранних сочинения писателя: повесть «Один день Ивана Денисовича» (1959) и рассказы «Случай на станции Кречетовка» и «Матрёнин двор» (1963). Л.Д. Ржевский рассматривает их как своего рода гегелевскую триаду (тезис — анти-тезис — синтез). Выстраивается следующая конструкция. В первом из названных произведений автор ставит вопрос: как и почему сложилась в стране ситуация, при которой в лагерях оказались сотни тысяч таких простых тружеников, как Иван Денисович («Как же могло так стать?»). В следующем — дается ответ на этот вопрос. Одной из важнейших причин происходящего, наглядно показывает А.И. Солженицын, стала нездоровая нравственная атмосфера. В частности, поощряемая свыше и широко распространенная в массах так называемая «бдительность». «Фетиш бдительности» искажает психику человека, переориентирует его с общечеловеческих на иные нравственные ценности. В первую очередь на преданность коммунистической идее и лично И.В. Сталину. Выход из ситуации (спасение от деградации души) показан в третьем из названных произведений. Он в ис-

конно присущей русскому народу нравственной чистоте. Ее носителем и одновременно символом считает Л.Д. Ржевский героиню рассказа «Матрёнин двор».

По отдельному очерку посвящает критик каждому из произведений А.И. Солженицына большой эпической формы, опубликованных к 1974 году. Анализ романа «В круге первом», начатый еще в статье «Прочтение творческого слова», углублен и расширен в очерке «Два хора». Одной из главных внутренних тем этого произведения исследователь называет «пробуждение совести». Отмечая автобиографичность («автопортретность») главного героя, он подчеркивает, что сходство Глеба Нержина с самим писателем в данном случае не столько в одинаковых фактах биографии, сколько в общем для обоих мироощущении. Нержину присуще мощное активное отрицание существующего в стране порядка вещей. Критик характеризует такую жизненную позицию как «бескомпромиссную, отважную и жертвенную». Он пишет: «Эта непримиримость, как совесть человеческая, как неотступное требование справедливости делает и многих других заключенных “шарашки”, униженных и бесправных, бесстрашными и сильными внутренней своей духовной свободой» [1, с. 89—90].

Другой важной темой романа считает критик «обращенность к Небу, как к чему-то противостоящему воинствующей бездуховности материалистического миропонимания» [1, с. 98]. На множестве примеров показывает он стремление солженицынских героев к духовным ценностям.

Структура романа представляется исследователю полифоничной, распадающейся на два многоголосных «хора»: жертв, с одной стороны, и их палачей, с другой. Критик отмечает емкость «повествовательного дня» в анализируемом произведении. Эта черта художественного стиля писателя проявилась уже в первой его повести («Один день...»). В большом по объему романе действие еще больше «спрессовано», происходит на минимальном временном отрезке (24—27 декабря 1949 г.). Несомненной удачей автора в этом романе Л.Д. Ржевский считает образ И.В. Сталина. Ввиду трудной доступности в СССР любых источников для работы над этим образом, критик относит удачу писателя на счет его творческой интуиции.

Повесть «Раковый корпус» Л.Д. Ржевский анализирует в очерке «Костоглотов — Русанов». Фамилии центрального (автобиографического) персонажа и его главного антагониста в заглавии показывают, как строится, по мнению

критика, центральная сюжетная ось произведения. В отличие от полифонического романа «В круге первом», эту повесть исследователь считает монозвучащей, ориентированной на мировидение главного персонажа. С точки зрения Л.Д. Ржевского душевный мир героя раскрыт здесь намного шире, чем это было в романе, а психологический его портрет значительно глубже. Критик пишет: «Главное же: все или почти все в этом повествовании увидено глазами самого Костоглотова, представлено в его, перенятой у автора оценке» [1, с. 104]. Данная черта приобретает особую значимость в связи с тем, что Костоглотов (как и сам писатель) уже побывал на грани жизни и смерти, увидел и ощутил жизнь глазами обреченного человека.

В той же ситуации побывали или продолжают находиться многие другие персонажи. Опираясь на целый ряд эмоционально-пронзительных сцен, Л.Д. Ржевский фиксирует черты и формы образно-лирической экспрессии, характерные для этого произведения. В связи с этим он отмечает также богатство «речевой портретизации» в повести и своеобразии раскрытия в ней «проблемы совести». Об этом важнейшем качестве человеческой души в романе вспоминают люди, не проявлявшие его до тех пор, пока не оказались неизлечимо больными. В новой для них жизненной ситуации они переосмысливают многое в своем прошлом, бывшие поступки видят в рамках иной системы нравственных ценностей.

В очерке «Узел первый» Л.Д. Ржевский обращается к первой части монументального солженицынского полотна «Красное колесо» — «Август Четырнадцатого». Очень высоко оценивая это произведение, сопоставляя его с «Войной и миром» Л.Н. Толстого, критик напоминает, что речь идет только о части целого, о начале большого проекта, что необходимо учитывать при анализе целого. С этой позиции он находит приемлемым соотношение «мирных» и «военных» глав как один к четырем, при том, что у Л.Н. Толстого соотношение их было поровну. Л.Д. Ржевский предполагает, что эта диспропорция, так же как и существование персонажей «мирных» глав, словно за скобками основного сюжета, будет выравнена в последующих частях. Он, как выяснилось впоследствии, справедливо предположил, что в этих главах заложены отсылки к сюжетным линиям следующих «узлов».

В «военных главах», основных и сюжетнообразующих в этой части произведения, Л.Д. Ржевский выделяет двух основных персонажей — русских военачальников — Воротынцева и Самсонова. Сюжет «узла» критик пред-

ставляет в виде двух вложенных одно в другое кольца: большого, связанного с первым из названных персонажей, и малого, построенного вокруг судьбы второго. Оба персонажа — герои безусловно положительные, отличаются всеми лучшими качествами, присущими русскому кадровому офицеру-дворянину. Важнейшее из них, подчеркивает Л.Д. Ржевский — «правильное» отношение к русскому солдату, признание его «главной фигурой войны». Показывая внимание солженицынских героев-военачальников к рядовым солдатам, автор очерка пишет: «Народ на войне» становится благодаря этому как бы третьим главным героем, и два первые, вкупе с ним, — выразителями тех черт потенциального духа, без понимания которого не прочитывается никакая история. Черт небрежения к смерти, самопожертвования и отваги, например» [1, с. 128]. Образ Самсонова он называет «значительнейшим» в современной ему русской прозе.

Большое внимание, как и всегда при анализе художественного произведения, Л.Д. Ржевский уделяет индивидуальному стилю и литературному языку автора в «Августе Четырнадцатого». Он отмечает, что в отличие от предыдущих произведений А.И. Солженицына большой эпической формы, рассказчик здесь выступает непосредственно от своего имени и говорит, соответственно, своим языком, не «сливая» собственный голос с голосами персонажей, более того, «сплошь и рядом перекрикивает их». Характеризуя изменение повествовательной манеры писателя по сравнению с предыдущими произведениями, Л.Д. Ржевский пишет: «Там персонажи самораскрываются, здесь они “расказаны”» [1, с. 127]. Новую, на его взгляд, «манеру повествования» в этом произведении критик называет «монологической». Она, в частности, сделала возможным включить в текст романа «обзорные» главы, вообще не содержащие персонажей. Их предназначение — непосредственно от авторского лица пояснить историческую ситуацию и развитие событий в ней.

Особым достижением автора критик считает соответствующий этой манере литературный язык произведения. В очерке по этому поводу говорится: «Язык “узла первого” — несомненно, новая и еще более совершенная ступень того, вдохновенного речевой почвенностью, слога, с которым вступил Солженицын в литературу» [1, с. 135].

Завершает сборник очерк «Знаменательный реализм», где Л.Д. Ржевский рассматривает миниатюры А.И. Солженицына, названные им «крохотными рассказами». Критик

считает эту часть творчества писателя очень важной, позволяющей полнее охарактеризовать и тематический диапазон автора, и специфику его таланта. При большом многообразии мотивов в этих произведениях он считает их связанными в единое целое общей внутренней тематикой: «как хороша земля и драгоценна жизнь» и «как мало ценят, как искажают их люди» [1, с. 143]. «Жемчужиной» среди этих произведений Л.Д. Ржевский называет миниатюру «Озеро Сегден», которую подробно анализирует. Общий обзор этой части творчества А.И. Солженицына позволяет исследователю сделать интересное теоретико-литературное заключение. Рассмотрев способы создания и употребления литературной символики в «крохотных рассказах», критик приходит к выводу: «Поэтический мир Солженицына — не мир символов. Творческий его инструментарий реалистичен. Но реалии у него очень часто — особые, знаменательные» [1, с. 148].

Характерно, что все работы Л.Д. Ржевского о творчестве А.И. Солженицына написаны до эмиграции писателя. Критик искренне сожалел о невозможности личного общения с «объектом» своих исследований, о чем говорилось выше. Но при этом сам отмечал, употребляя именно такой термин, что А.И. Солженицын интересуется его как «советский» автор. Противостояние А.И. Солженицына господствующей в стране идеологии, по мнению исследователя, не изменяло сущности ситуации. Писатель творил, находясь внутри системы, и именно этим был особенно интересен критику (и тоже писателю) — эмигранту.

Л.Д. Ржевский детально проанализировал и систематизировал особенности стиля и языка А.И. Солженицына до эмигрантского периода. Достижения писателя в области художественной формы критик считал в первую очередь способом выражения его гражданской позиции. Поскольку основным пафосом произведений А.И. Солженицына (в том числе, в этот период) было обличение существующего в стране порядка, работу этого автора над совершенствованием их формы критик рассматривал, как акт проявления гражданского мужества, как своеобразный подвиг творца.

Список источников

1. *Ржевский Л.Д.* Творец и подвиг: очерки по творчеству Александра Солженицына. [Frankfurt am Main] : Посев, 1972. 168 с.
2. *Глезер А.Д.* Солженицын и эмиграция // Стрелец. 1989. № 1 (61). С. 249—253.
3. *Сараскина Л.И.* Александр Солженицын. Москва : Молодая гвардия, 2008. 934 с.
4. *Скарлыгина Е.Ю.* Солженицын и третья русская эмиграция : (К вопросу об одной монографии) // Вопросы литературы. 2009. № 2. С. 381—405.
5. *Ермолин Е.А.* Жизнь как подвиг // Знамя. 2008. № 11. С. 204—209.
6. *Семенова Е.П.* Библиография А.И. Солженицына: история, проблемы, решения // Библиотекосведение. 2018. Т. 67, № 1. С. 69—74. DOI: 10.25281/0869-608X-2018-67-1-69-74.
7. Интервью с Никитой Струве. К 80-летию легендарного издателя [для радио «Град Петров»]. URL: <http://www.grad-petrov.ru/broadcast/nikita-struve-o-solzhenitsyne-ob-emigra/> (дата обращения: 07.08.2018).
8. Отражение творчества Солженицына в книгах русского зарубежья: советский период : библиографический указатель документов из фонда РГБ [Электронный ресурс] / Рос. гос. б-ка, Науч.-исслед. отд. библиогр. ; сост.: Н.Ю. Бутина, Н.Н. Носов ; библиогр. ред.: Н.Ю. Бутина. Москва, 2018. URL: https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/4-IZDANIJA/3-bibliograficheckije-izdaniya/Solzhenitsynj-2018.pdf (дата обращения: 07.08.2018).
9. *Носов Н.Н.* Зарубежные издания произведений А.И. Солженицына на русском языке: к 100-летию со дня рождения писателя // Библиотекосведение. 2018. Т. 67, № 3. С. 277—286. DOI: 10.25281/0869-608X-2018-67-3-277-286.
10. *Солженицын А.И.* Правая кисть : рассказ // Новый журнал. 1968. № 93. С. 25—35.
11. «Дело» Солженицына : [подборка материалов] // Новый журнал. 1968. № 93. С. 209—268 ; 1969. № 94. С. 145—160.
12. *Шиляев Е.* «Лагерный язык» по произведениям А.И. Солженицына // Новый журнал. 1969. № 95. С. 232—247.
13. *Ржевский Л.Д.* Творческое слово у Солженицына // Новый журнал. 1969. № 96. С. 76—90.
14. *Натова Н.П.* Солженицын — почетный член Американской Академии и Национального института искусства и литературы // Новый журнал. 1969. № 97. С. 280—282.
15. Александр Исаевич Солженицын: тайны жизни и творчества. Интервью с Н.Ю. Самойленко, заместителем генерального директора Российской государственной библиотеки / Н.Ю. Самойленко ; беседу вела Е.В. Никонова // Библиотекосведение. 2018. Т. 67, № 2. С. 137—148. DOI: 10.25281/0869-608X-2018-67-2-137-148.

16. *Ржевский Л.Д.* За околицей. Рассказы разных лет. Tenaflu (N. J.) : Эрмитаж, 1987. 177 с.
17. *Ржевский Л.Д.* Между двух звезд : [роман]. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. 408 с.
18. *Ржевский Л.Д.* Образ рассказчика в повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // *Studies in Slavic linguistics and poetics in Honor of Boris O. Unbegaun.* New York ; London, 1968. P. 165—178.
19. *Ржевский Л.Д.* Национальная культура и эмиграция. Доклад, прочитанный на расширенном совещании «Посева» 7—12 сентября 1951 г. в г. Лимбурге. [Франкфурт-на-Майне]: Посев, 1952. 48 с.
20. *Ржевский Л.Д.* Прочтение творческого слова : Литературоведческие проблемы и анализы. New York : New York univ. press, 1970. 275 с.

*Иллюстративный материал
предоставлен автором статьи*

The Writers on One Wave. L.D. Rzhevsky about the Creative Works of A.I. Solzhenitsyn

Maya E. Babicheva,

Russian State Library, 3/5 Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019, Russia

E-mail: BabichevaME@rsl.ru

Abstract. The article considers attitude of the representatives of different “waves” of Russian emigration to the personality and works of A.I. Solzhenitsyn. The author the reasons of special analysed interest of the representatives of the “second wave” to the early period of the writer’s creative works, as well as described specific features of perception of A.I. Solzhenitsyn’s works by the literary critic L.D. Rzhevsky, belonging to that wave. For the first time the works of L.D. Rzhevsky devoted to the creative works of A.I. Solzhenitsyn are introduced into scientific circulation. Philologist by education and the writer, L.D. Rzhevsky considered mainly the features of individual style and literary language of A.I. Solzhenitsyn. He paid much attention to the writer’s innovations in this field, in particular to his word creativity, and noted his commitment to the people’s language and good command of it. The critic also demonstrates the specific features of A.I. Solzhenitsyn’s narrative style, which manifested itself differently in his works. He notes that the narrator either “self-dissolves” in the character(s) or speaks on his own behalf. In the first case, polyphonic structure or monophonic sound is possible. The features of the artistic form of the creative works of A.I. Solzhenitsyn, however, interested L.D. Rzhevsky as a way of expressing the civil position of the author. The most important characteristic feature of the writer’s work, he believed the inextricable unity of aesthetic and ethical principles. Emphasizing the importance in his creative works of the categories “conscience”, “truth”, “intransigence”, L.D. Rzhevsky stated that A.I. Solzhenitsyn revived the humanistic pathos of Russian classical literature, suppressed in the USSR for ideological reasons. Based on numerous examples and quotations, the critic called the writer the heir to the traditions laid down by A.S. Pushkin, L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky. Highly artistic reflection of the life truth in the works of the author, who lived in the USSR, L.D. Rzhevsky considered as selfless devotion and evaluated as a feat committed by the creator. The article uses little-known and hard-to-reach sources to domestic readers: materials published abroad in the mid-twentieth century in small batches and since out of print.

Key words: A.I. Solzhenitsyn, L.D. Rzhevsky, Emigration, Creative Works, Literature, Conscience, Innovation, Word, Language, Style.

Citation: Babicheva M.E. The Writers on One Wave. L.D. Rzhevsky about the Creative Works of A.I. Solzhenitsyn, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2018, vol. 67, no. 4, pp. 421—430. DOI: 10.25281/0869-608X-2018-67-4-421-430.

References

1. Rzhnevsky L.D. *Tvoretz i podvig: ocherki po tvorchestvu Aleksandra Solzhenitsyna* [The Creator and the Exploit: Essays on the Work of Aleksandr Solzhenitsyn], Posev Publ., 1972, 168 p.
2. Glezer A.D. Solzhenitsyn and Emigration, *Strelets* [Sagittarius], 1989, no. 1 (61), pp. 249—253 (in Russ.).
3. Saraskina L.I. *Aleksandr Solzhenitsyn*. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2008, 934 p.
4. Skarlygina E.Yu. Solzhenitsyn and the Third Russian Emigration: (On a Monograph), *Voprosy literatury* [Russian Studies in Literature], 2009, no. 2, pp. 381—405 (in Russ.).
5. Ermolin E.A. Life as an Exploit, *Znamya* [Banner], 2008, no. 11, pp. 204—209 (in Russ.).
6. Semenova E.P. Bibliography of A.I. Solzhenitsyn: The History, Problems and Solutions, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2018, vol. 67, no. 1, pp. 69—74 (in Russ.). DOI: 10.25281/0869-608Kh-2018-67-1-69-74.
7. *Interv'yu s Nikitoy Struve. K 80-letiyu legendarnogo izdatel'ya* [An Interview with Nikita Struve. To the 80th Anniversary of the Legendary Publisher]. Available at: <http://www.grad-petrov.ru/broadcast/nikita-struve-o-solzhenitsyne-ob-emigra/> (accessed 07.08.2018).
8. Butina N.Yu., Nosov N.N. (eds). *Otrazhenie tvorchestva Solzhenitsyna v knigakh russkogo zarubezh'ya: sovetskii period: bibliograficheskii ukazatel' dokumentov iz fonda RGB* [The Reflection of Solzhenitsyn's Creative Work in Books of the Russian Emigration: Soviet Period: Bibliographic Index of Documents from the Russian State Library]. Moscow, 2018. Available at: https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/4-IZDANIJA/3-bibliograficheskije-izdaniya/Solzhenitsynj-2018.pdf (accessed 07.08.2018).
9. Nosov N.N. A.I. Solzhenitsyn's Foreign Publications in Russian: To the 100th Birth Anniversary of the Writer, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2018, vol. 67, no. 3, pp. 277—286 (in Russ.). DOI: 10.25281/0869-608Kh-2018-67-3-277-286.
10. Solzhenitsyn A.I. The Right Hand: story, *Novyi zhurnal* [New Journal], 1968, no. 93, pp. 25—35 (in Russ.).
11. Solzhenitsyn's "Case", *Novyi zhurnal* [New Journal], 1968, no. 93, pp. 209—268, 1969, no. 94, pp. 145—160 (in Russ.).
12. Shilyaev E. The "Camp Language" from the Works of A.I. Solzhenitsyn, *Novyi zhurnal* [New Journal], 1969, no. 95, pp. 232—247 (in Russ.).
13. Rzhnevsky L.D. The Creative Word of Solzhenitsyn, *Novyi zhurnal* [New Journal], 1969, no. 96, pp. 76—90 (in Russ.).
14. Natova N.P. Solzhenitsyn — An Honorary Member of the American Academy and National Institute of Arts and Letters, *Novyi zhurnal* [New Journal], 1969, no. 97, pp. 280—282 (in Russ.).
15. Samoylenko N.Yu., Nikonorova E.V. Alexander Solzhenitsyn: Mystery of Life and Work. Interview with N.Yu. Samoylenko, Deputy Director General of the Russian State Library, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2018, vol. 67, no. 2, pp. 137—148 (in Russ.). DOI: 10.25281/0869-608X-2018-67-2-137-148.
16. Rzhnevsky L.D. *Za okolitsei. Rasskazy raznykh let* [Over the Fence. Stories of Different Years]. Tenafly (N. J.), Ermitazh Publ., 1987, 177 p.
17. Rzhnevsky L.D. *Mezhdvu dvukh zvezd* [Between Two Stars]. New York, Imeni Chekhova Publ., 1953, 408 p.
18. Rzhnevsky L.D. The Image of the Narrator in Solzhenitsyn's Story "One Day of Ivan Denisovich", *Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honor of Boris O. Unbegaun*. New York, London, 1968, pp. 165—178 (in Russ.).
19. Rzhnevsky L.D. *Natsional'naya kul'tura i emigratsiya. Doklad, pročitannyi na rasshirennom soveshchanii "Poseva" 7—12 sentyabrya 1951 g. v g. Limburge* [National Culture and Emigration. A Report Read at the Extended Session of "Posev" on September 7—12, 1951 in Limburg], Posev Publ., 1952, 48 p.
20. Rzhnevsky L.D. *Prochten'e tvorcheskogo slova: Literaturovedcheskie problemy i analizy* [The Reading of Creative Word: Literary Problems and Analysis]. New York, New York Univ. Press Publ., 1970, 275 p.